

С.Ю. ДУБРОВИНА
(Тамбов)

**К СЕМАНТИКЕ ОБРАЗОВ
НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА
И ПРОРОКА ИЛИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛЕВЫХ
ОПРОСОВ ЖИТЕЛЕЙ
ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ
КОНЦА 1990-х — НАЧАЛА 2000-х гг.)**

Почитание святых заступников в русской культурно-религиозной традиции обнаруживает определенную избирательность. Оно проявляется в выборе святых и распределении их функций, а также в частоте обращения, силе молитвенного призыва, уверенности в результативности их помощи.

В святых народ видит близких себе помощников и утешителей, однако предпочтение отдает излюбленным святым заступникам, а также сюжетам и мотивам их жития, поразившим его воображение. Это находит отражение в фольклоре: духовных стихах, легендах, пословицах, обрядовых жанрах. По наблюдению Г.П. Федотова, «как небесные силы святые выступают лишь в немногих стихах о посмертных чудесах великих чудотворцев: Егория, Миколы и Димитрия Солунского» [Федотов 1991, 60]. Однако, представляя «народный идеал христианского подвижничества», духовные стихи воспевают подвиги героев: Егория Храброго, Димитрия Солунского и Федора Тирянина — и аскетов: прежде всего, Алексия человека Божия [Там же, 99—104].

В настоящей статье мы остановимся на двух значимых фигурах народного православия — святителе Николае, Мир Ликийских Чудотворце, и ветхозаветном пророке Илии. В задачи нашего исследования входит описание и систематизация результатов анкетных опросов жителей Бондарского, Инжавинского, Кирсановского, Первомайского, Ржаксинского, Сосновского, Староюрьевского, Тамбовского, Токаревского, Уваровского р-нов Тамбовской обл., проводившихся во время этнолингвистических экспедиций 1997—2002 гг. с целью выяснения современного состояния почита-

ния этих святых в регионе и уточнения своеобразия семантики их образов в народной традиции¹.

Центральное положение среди святых в народной вере занимает *святитель Мир Ликийских Николай Чудотворец*, вера в которого «означает самую суть христианской веры вообще» [Федотов 1991, 60]. «Они веровали веру святую, Молились Миколу Чудотворцу», — поется в духовных стихах [Там же]. Высшую меру поклонения и любви народ выражает в именовании св. Николая угодником — «Николаем Угодником», «Угодником Божьим».

Неизменное почитание святителя Николая подтверждается публикациями дореволюционного времени [Житие и чудеса... 1999] и, что наиболее интересно, множеством современных наблюдений и исследований [Алпатов 2005; Иванова 2005; Фадеева 2005; Хлыбова 2005 и др.]. Реликты архаики и язычества в культе св. Николая Мирликийского прослеживаются в знаменитой работе Б.А. Успенского «Филологические разыскания в области славянских древностей» [Успенский 1988].

Научные изыскания настоящего времени, полевой материал подтверждают сохранение традиции в различных формах культуры (ср. работы: [Панченко 1998; Шеваренкова 1998; Тарабукина 2003 и др.]). Как считает исследовательница почитания святителя Николая в христианской традиции населения Верхнего Приобья Е.Ф. Фурсова, в семейных иконостасах иконы святителя Николая занимают в количественном отношении второе место после богородичных [Фурсова 2003, 101]. Показательно, что дни в честь многих других святых приурочиваются ко времени «до Миколы» или «после Миколы» [Там же, 102], а сопровождавшие эти дни приметы показывают тесную взаимосвязь николевских праздников (ср.: «Каков день на Николу Вешнего, таков и на Николу Зимнего» [Там же, 103]).

¹ Опросы проводились автором и студентами филологического факультета (ныне Института филологии) Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина по программе «Народное православие на Тамбовщине» (см. в: [Дубровина 2006]). Все собранные материалы находятся в личном архиве автора.

Об особом почитании святого свидетельствуют и наши краеведческие данные [Дубровина 2001а; 2001б].

Далеко за пределами Тамбовской области известно святое озеро Николая Угодника, находящееся в Сосновском р-не близ сел Отыясы и Мамонтово, где, по преданию, жителям являлся святитель. До революции 1917 г. здесь находилась женская обитель — Мамонтова пустынь, восстанавливаемая в наши дни.

Рассказы о непосредственном общении со святым в трудных жизненных обстоятельствах, о его предсказании важных событий и перемен в жизни можно услышать из уст не только современных сельчан, но и горожан (например, разговор со святителем на автобусной остановке)².

В иконостасе тамбовского жителя, как правило, имеется икона Николая Угодника, причем часто владельцы отождествляют ее с иконой самого Христа. У жительницы с. Аتمانов Угол Сосновского р-на Тамбовской обл. Антонины Алексеевны Ожогойной, 1957 г.р., нам приходилось наблюдать «божничку», иконостас которой состоял из иконы Богородицы с младенцем (в центре) и двух икон святителя Николая. Причем в соседних с залой комнатах также находились иконы Николая Чудотворца.

Молодых перед венчанием родители благословляют следующим образом: жена — «мужеской иконой» (чаще всего это была икона Спасителя или Николая Угодника), невесту — иконой Богородицы. Взаимозамещение икон Спасителя и св. Николая в семейном обряде перекликается с наделянием Николы чертами вездесущего Бога в торжественных восклицаниях духовных стихов: «Святитель Микола, силен Бог наш», «Микола святитель Богом силен», «Авось Никола с

² Мне самой доводилось слышать подобный рассказ еще в 1980-е гг. Он содержал все черты народной легенды: неожиданное появление и исчезновение святого, его осведомленность обо всех житейских тяготах и нуждах человека, совет, который он дает и который впоследствии оказывается единственно верным. Убеждение в том, что необычный собеседник был Николаем Угодником, приводит к рассказчику вскоре после встречи как истинное и незбылемое. Облик же святого всегда описывается так: согбенный «белый» старичок с добрым лицом.

Богом силен» [Федотов 1991, 61]. Такую же взаимозамену прослеживаем в пословице «Где беда, там и Бог» в сравнении с «Где беда, там и Никола» [Даль 1994, 373].

Смешение функций Бога и Николы наблюдаем в представлениях жителей Тамбовской обл. о радуге. Наряду с ответами типа «Господь послал радугу на землю после потопа, который смыл все грехи людей», «Радуга — это Боженька радуется» (зап. от Татьяны Ивановны Смагиной, 1918 г.р., мест. урож., с. Сурава Тамбовского р-на [АА 2000]), «Это Господь Бог улыбается» (зап. от Анны Яковлевны Капустиной, 80 лет, мест. урож., п.г.т. Токарёвка Токарёвского р-на [АА 1999]) были записаны другие — «Говорят, ее послал Николай Чудотворец, что никогда не будет устраивать наказания людям» (зап. от Марии Митрофановны Чеботарёвой, 1921 г.р., мест. урож., с. Покрово-Пригородное Тамбовского р-на [АА 2000]).

Однако сказать, что происходит смешение образа святого со Спасителем, нельзя. На вопрос «Называют ли Николая Угодника русским Богом?» получено девять отрицательных ответов («Святитель Николай не Бог, а святой» (зап. от Лидии Павловны Вороновой, 1937 г.р., мест. урож., г. Тамбов [АА 1995]; Полины Ивановны Шлыковой, 1927 г.р., урож. с. Черняное Тамбовского р-на, г. Тамбов [АА 1995]; Пелагеи Александровны Галактионовой, 1930 г.р., мест. урож., г. Тамбов [АА 2000]; Татьяны Васильевны Голиковой, 1947 г.р., мест. урож., г. Тамбов [АА 1997]; Анны Степановны Клинковой, 1918 г.р., мест. урож., г. Тамбов [АА 1998]; Татьяны Ивановны Кречетовой, 1920 г.р., мест. урож., г. Тамбов [АА 1999]; Ирины Ивановны Лизякиной, 1949 г.р., г. Тамбов [АА 1997]); «Его не называют Богом» (зап. от Анны Андреевны Милосердовой, 1916 г.р., г. Тамбов [АА 1998]); «Он не Бог, а святой угодник» (зап. от Ирины Алексеевны Паршиной, 1945 г.р., г. Тамбов [АА 1999])), и лишь прихожанка одного из храмов г. Тамбова настаивает на подобном именовании («Называют его русским Богом, так как он безотказно помогает всем, кто просит о помощи»³ (зап. от Тать-

³ Наряду с высказываниями о том, что св. Николая называют русским Богом другие народы.

яны Ивановны Кречетовой, 1920 г.р., мест. урож., г. Тамбов [АА 1999])).

Устные рассказы о помощи святых изобилуют введением в повествование святого помощника Миколы. Часто его описывают как седенького старичка с белой бородой, который неожиданно появляется в трудную минуту в разных местах и помогает советом или утешением. Существует много рассказов, в которых портрет великого святителя остается «за кадром», но его заступничество свидетельствует о строгости святого, его ревности к вере. Таков, например, рассказ о присутствии Николая Угодника среди моряков, находящихся в плавании: *«Дедушка служил на корабле, плавал, военный. Тогда в царское время служили по 12 лет. Однажды пароход их сел на мель и ничего не смогли сделать. Один называить начальника: “Ваше благородие, ведь нынче праздник Никола, вот мы ничего и не можем сделать”. А тот капитан: “Дурак ты и твой Микола”. Минут через двадцать трос оборвался, лопнул. Стебанул ему в лоб, не копнулся. И все видели: вот это вот Никола!»* (зап. от Антонины Ивановны Филипповой, 1925 г.р., в с. Терновое Инжавинского р-на [АА]).

Из современных ответов на вопрос «Кто из святых более почитался?» характерны следующие: *«Все обращаются к Николаю Угоднику, Иисусу Христу, Матери Божией. Иисус Христос и Матерь Божья — главные»* (зап. от Розы Филипповны Рыбкиной, 1931 г.р., мест. урож., с. Черняное Тамбовского р-на [АА 1999]); *«Скорбящая Божия Матушка и Николай Угодник»* (зап. в д. Свищёвка Бондарского р-на [АА 1999]); *«Николай-святитель, отец Николай, отче, наш, русский Бог. Он — сподвижник. Был человек набожливый, помогал Богу»* (зап. от Марии Ивановны Маркиной, 1918 г.р., мест. урож., с. Арапово Тамбовского р-на [АА 1999]); *«Обычно обращаются всегда к Николаю Угоднику»* (зап. от Татьяны Ивановны Смагиной, 1918 г.р., мест. урож., с. Сурава Тамбовского р-на [АА 2000]); *«Николай Угодник великий святой. Кто истинно его просит, он помогает и творит великие чудеса»* (зап. от Клавдии Васильевны Тимофеевой, 1946 г.р., мест. урож., г. Тамбов [АА 2000]); *«Николай Угодник — самый желанный у христиан»* (зап. от Анны Степановны Клинковой,

1918 г.р., мест. урож., г. Тамбов [АА 1999]). Некоторые ответы прямо указывают на приоритет Николая Чудотворца среди других святых: *«Главным святым считался Николай Чудотворец»* (зап. от Е.В. Паршиной, 1947 г.р., г. Тамбов [АА 2000]); *«Более всего у русских почитался святой Николай Угодник»* (зап. от Евгении Леонидовны Аникеевой, 1929 г.р., мест. урож., с. Бокино Тамбовского р-на [АА 2000]); *«Николай Угодник самый главный святой. Он угодил Господу»* (зап. от Марии Дмитриевны Сторожевой, 1921 г.р., мест. урож., г. Тамбов [АА 1999]); *«Николай Угодник второй после Бога заступник»* (зап. от Александры Алексеевны Куксовой, 1930 г.р., мест. урож., с. Мойсеево-Алабушка Уваровского р-на [АА 1999]); *«Николай Угодник по всем святым он самый главный, в народе еще говорят “угодник Господу Богу”. Чтут его за то, что во всех скорбях, бедах он помогает. Также его еще называют Великим Чудотворцем»* (зап. от Екатерины Константиновны Салтыковой, 1923 г.р., урож. с. Протасово Тамбовского р-на, в настоящее время проживает в г. Павлов Посад Московской обл. [АА 1999]).

Таким образом, ответы сельских и городских информантов, записанные уже в наши дни, прямо свидетельствуют о вере в заступничество Николая Угодника, в несомненность его помощи в самых неожиданных и трудных обстоятельствах.

Продолжим тему народной избирательности в почитании святых наблюдениями за библейскими сюжетами о **пророке Илиш**.

Упоминание ветхозаветных историй, как, впрочем, и евангельских притч и поучений, является достаточно редким в фольклорных текстах. Исключение составляют этиологические сюжеты о миротворении, представления о первых людях, о животных, растениях [Бадаланова 1997; 1999; Барсов 1886; Каспина 2000; Белова 1994; 1998; 2000; 2001а; 2001б]. В духовных стихах сюжеты Ветхого Завета прослеживаются лишь в «Плаче Адама» и стихе «Об Иосифе Прекрасном». Евангельская притча звучит в стихе об убогом Лазаре [Федотов 1991, 21].

Поэтическая и обрядовая традиция почитания святых в народной культуре и современные записи убеждают нас в

том, что из участников ветхозаветных событий самым почитаемым является пророк Илия, живший в IX в. до Р.Х., в царствование царя Аахава (Ахава), когда язычество начало распространяться в еврейском народе. Илия является единственным пророком Ветхого Завета, которого православная церковь чтит наравне со своими святыми.

В Ветхом Завете рассказ о служении пророка содержится в Третьей и Четвертой книгах Царств. Указание на пророка Илию находим также в книге пророка Малахии: «Вот, я пошлю к вам Илию пророка, пред наступлением дня Господня, великого и страшного. И он обратит сердца отцов к детям и сердца детей к отцам их, чтобы Я, придя, не поразил земли проклятием» (Мал. 4, 5—6). В Новом Завете имя пророка Илии упоминается в описании событий Преображения на горе Фавор, когда апостолы Петр, Иаков и Иоанн видели его вместе с Моисеем, беседующим с Господом (Мф. 17, 3—8). В духе и силе Илии совершал свое служение Иоанн Предтеча, и евангельское повествование прямо и определенно называет его именем Илии (Мф. 17, 10—12; 11, 14; Мк. 9, 11—13; Лк. 1, 17). Ср.: «Но говорю вам, что Илия уже пришел, и не узнали его, а поступили с ним, как хотели, так и Сын Человеческий пострадает от них. Тогда ученики поняли, что Он говорил им об Иоанне Крестителе» (Мф. 17, 12—13). По верованию православной церкви, пророк Илия вместе с Енохом снова придут на землю перед вторым пришествием (Откр. 11, 3—12).

Несмотря на идеологическую и духовную завесу недавнего времени и исчезновение многих форм народной культуры из жизни, Ильин день повсеместно почитается как «грозный праздник», а его запреты и предписания строго соблюдаются. В пользу неослабного почитания Ильи-пророка свидетельствуют различные «небогословские» жанры устного народного творчества. К примеру, современные исследования русских заговоров показывают, что пророк Илия — персонаж, наиболее часто упоминаемый в заговорах, наряду с Иисусом Христом, архангелом Михаилом, св. Георгием Победоносцем и Николаем Чудотворцем (см. об этом: [Фадеева 2005, 40]).

Остановимся подробнее на тамбовских представлениях об Илье-пророке. Известно, что народ веряет ему управление громами и молниями, росами и дождями. Из множества книжных примеров о небесных знамениях в жизни пророка избирается одно, наиболее сильное и образное — чудесное вознесение пророка в вихре на огненной колеснице, запряженной огненными конями. Образ огненной колесницы (коляски) и огненных коней становится ключевым во всем комплексе поверий о нем.

На тот факт, что народный образ Илии приобретает атрибуты и черты древнего Перуна, указывали в свое время представители русской мифологической школы [Афанасьев 1994, 469—487]. Это мнение поддерживается и современными этнолингвистами: «Особенности народного культа Ильи-пророка свидетельствуют в пользу предположения о том, что св. Илья является христианским заместителем славянского языческого бога-громовника Перуна» [Белова 1999, 406]. Однако почему же именно пророк Илия стал заместителем главного языческого бога? Основание для этого следует искать в библейском повествовании о земной жизни святого, именно в нем видится определяющий источник народных верований. А.Н. Афанасьев замечал: «Такое отождествление Ильи-пророка с Перуном, такое присвоение ему власти над громом, молниями, дождями, градом и урожаями имеет в основании, во-первых, те аналогические обстоятельства, которые окружают этого святого в ветхозаветных сказаниях» [Афанасьев 1994, 477]. Далее ученый перечисляет фрагменты церковного чтения из Апостола на Ильин день («Илия ... молитвою помолился, да не будет дождь — и не одожди по земли лета три и месяц шесть»), приводит текст молитвы во время бездожия: «Илия словом дождь держит на земли» [Там же, 478], тексты служебников, старинных проповедей и преданий, прямое влияние которых на крестьянское сознание не вызывает сомнений. Менее доказательно сближение Илии с Перуном из-за того, что в эпоху язычества уборка хлеба «была порой религиозного чествования Перуна-плододавца» [Афанасьев 1994, 478] (так же, как и совпадение Ильина дня с жатвой), по-

скольку на это время приходится дни памяти и других известных святых.

Мотив низведения на землю огня и воды, пролития дождя имеет множество подтверждений в книгах Царств, описывающих деяния пророка. Это низведение молитвою огня на жертвенник в споре со жрецами Ваала и Астарты; дождевые тучи и потоки дождя после победы над идолами; переживание страшных знамений, бури и землетрясения на горе в ожидании откровения Божия; поражение огнем небесным пятидесятников, посланных Охозией; удар милотью по водам реки Иордан и раздвижение водной стихии и, наконец, взятие пророка на небо живым в огненной колеснице. Между тем лишь последний сюжет из всего разнообразия библейских рассказов включается в комплекс народных представлений, становясь источником их многочисленных вариаций.

Народная традиция почитания избирает тот мотив (образ), который близок ей по духу, генезису, условиям, обстоятельствам; она акцентирует на нем внимание и приспособляет его к реальным нуждам. Этот процесс можно сравнить с иконописью (например, с расписыванием жития в клеймах) или с современным клипом, останавливающим кадр. Народная вера создает свой портрет, свои рассказы, объяснения, календарные и хозяйственные приметы. Исторические данные, не ассоциирующиеся с общим традиционным восприятием и не прикрепленные к сельскохозяйственным нуждам, замалчиваются. Так, библейское повествование многократно свидетельствует о фактах «богообщения» — обращения пророка Илии к Богу и ответном внимании и вразумлении. Традиция народного православия не упоминает событий жизни святого, свидетельствующих о величайшей силе духа, дарованной ему свыше. Точно так же в народном пересказе Библии отсутствуют сюжеты, свидетельствующие о трудностях пророческого служения и человеческого одиночестве Илии: двукратное бегство от Ахава, сомнения, отчаяние и горечь верного Богу пророка, доходящие до желания смерти («Довольно уже, Господи, возьми душу мою, ибо я не лучше отцов моих»). С другой стороны, разра-

батывается мотив, который больше соответствует духовным чаяниям и запросам народа, лучше вписывается в систему знаний о природе, восходящую к убеждениям древних славян, имевших в своем пантеоне богов главного бога — Перуна.

Библейские рассказы об Илии, наделяющем хлебом и пищей или отнимающем их за грехи, строже и лаконичнее, чем развернутые народные рассказы, выражающие убежденность в заботе Илии о хлебном поле и урожае. Для народной культуры, большое место в которой занимает магия, направленная на обеспечение жизнедеятельности и плодородия, важно сочетание языческих и христианских начал (молитвы о дожде, обращенные к святому, молебны в поле, завивание бороды — *«Илье на бородку»*, принесение плодов нового урожая в церковь, их освящение и угощение ими). При этом многие факты Ветхого Завета, прямо относящиеся к теме урожая, остаются за пределами народной веры и не восприняты ей. Таковы, исходя из данных, которыми мы располагаем, рассказы о пребывании пророка на горе Хораф, где вороны приносили ему хлеб и мясо; о доме бедной вдовы, у которой не истощались мука и масло во всё время пребывания у нее пророка; сюжеты о предвещии Илией трехлетнего бездожия и голода в Самарии; бегство Илии от царя Ахава в пустыню и подкрепление чудесно посланной пищей.

Лакуну в народном опыте освоения Библии отчасти заполняют наивные пересказы ее историй, которые в сравнении с обрядами и приметами менее «зашорены» традицией и более свободны в проявлении авторской индивидуальности. Из имеющихся в нашем распоряжении данных ветхозаветные события жизни Илии-пророка отражаются в следующих представлениях: *«Илья-пророк был взят Господом на небо живым, и когда была сильная гроза, то говорили, что Илья по небу на своей колеснице едет...»* (зап. от Любови Григорьевны Андреевой, 1938 г.р., мест. урож., с. Челнаво-Рождественка Сосновского р-на [АА 2004]), *«Он был взят на небо живым. По преданию, на огненной коляснице ездить, када гром, дождь с грозой. Это он»* (зап. от Марии Петров-

ны Поповой, 1919 г.р., мест. урож., с. Ивановка Сампурского р-на [АА 2000]), «*Он святой. Его Бог на небо взял в огненной коляснице*» (зап. от Натальи Алексеевны Илясовой, 1915 г.р., мест. урож., с. Бокино Тамбовского р-на [АА 2000]), «*Он был взят на небо живым, на огненной колеснице, на огненных конях, и он имеет власть поражать людей молнией и грозой, которые не почитают его*» (зап. от Татьяны Никитичны Кулаковой, 70 лет, мест. урож., и от Клавдии Лукьяновны Шестаковой, 86 лет, мест. урож., р.п. Кулеватово Сосновского р-на [АА 2000]), «*Илья-пророк народу внушал страх. Про него говорили, что его Господь взял на небо на огненной колеснице*» (зап. от Анастасии Ильиничны Помогаевой, 1920 г.р., г. Тамбов [АА 2000]), «*Илья-пророк Бога людей наказать просил, и три года дождя не было*» (зап. от Клавдии Васильевны Сафроновой, 1924 г.р., мест. урож., с. Троицкий Росляй Токаревского р-на [АА 2000]), «*Была такая история. Люди на земле не верили в Бога. 3 года и 6 месяцев не давал Илья дождя. Стояла сильная засуха. Люди раскаялись и 3,5 дня ничего не ели, не кормили скот. Илья сжалился и дал людям дождь*» (зап. от Раисы Васильевны Домнышевой, 1930 г.р., мест. урож., с. Отыясы Сосновского р-на [АА 2000]). В нескольких сообщениях выражается убеждение о приходе Илии на землю перед концом света: «*Еще я слыхала, что Илья должен спуститься на землю перед вторым предшествием Иисуса Христа и предвещать его приход*» (зап. от Любови Григорьевны Андреевой, 1938 г.р., мест., урож., с. Челнаво-Рождественка Сосновского р-на [АА 2004]). Изучение этих пересказов могло бы стать отдельной темой исследования.

В богословских энциклопедиях имя «Илія» переводится как «гнев Божий»: «Илія — мой Бог — моя крепость» или «Бог есть Господь» [БЭ 1990, 294—296]; «Илія («Бог — моя сила», евр.)» [ППБЭС 1992, 934]. В прямой связи с этой трактовкой имени находятся и народные представления о характере пророка. Подчеркивается величие Илии-пророка, носителя небесного гнева, равного деяниями самому Творцу (ср.: «*Говорили, что Илья-пророк катится по небу, солнышко от земли толкает и холодно становит-*

ся...» (зап. от Анны Ивановны Загородниковой, 1921 г.р., мест. урож., с. Вторые Левые Ламки Сосновского р-на [АА]), «*Илья дарует урожай. На Ильин день выпекают колоба и пышки из нового урожая*» (зап. от Екатерины Гавриловны Карпухиной, 1914 г.р., мест. урож., Раисы Никифоровны Севостьяновой, 1927 г.р., мест. урож., Таисии Семёновны Буерашиной, 1936 г.р., мест. урож., церковной служащей, с. Дуплято-Маслово Знаменского р-на [АА 2000])). Некоторые поверья непосредственно отражают тождественность действий Бога и Ильи: «*Бог леденичку напустил*» (зап. от Анны Алексеевны Жуковой, 1944 г.р., мест. урож., с. Новоюрьево Староюрьевского р-на [АА 1998]) и «*Илья пускает ледок*» (зап. от Марии Алексеевны Киселевой, 1925 г.р., мест. урож., с. Алгасово Моршанского р-на [АА 1998], Анны Сергеевны Путиловой, 72-х лет, урож. д. Лучистая Кирсановского р-на, ныне проживает в с. Александровка Кирсановского р-на [АА 2000]), «*...Илья в воду лёд бросил*» (зап. от Лукерьи Гавриловны Уваровой, 1913 г.р., мест. урож., д. Отхожее Ржаксинского р-на [АА 1997]).

В крестьянском представлении Илья суров и грозен: «*Он грозён, грозён, Илья! Молнии и грома в его послушании! Чтобы горя да беды не было, мы тады не работали в поле, не косили, сена не убрали. Грома шумят и молнии бьют*» (зап. от Прасковьи Емельяновны Волковой, 1914 г.р., мест. урож., с. Поповка Староюрьевского р-на [АА 2000]), «*Очень грозный! Нельзя было работать. Лошади ноги ломали и стоги возгорались...*» (зап. от Раисы Ивановны Мачихиной, 1934 г.р., мест. урож., с. Донское Тамбовского р-на [АА 1997]), «*Говорили, что грозный. В этот день были дожди и обязательно комары*» (зап. от Нины Павловны Никаноровой, 1926 г.р., г. Тамбов [АА 1996]), «*Илья-пророк был хмурым и грозным самым пророком. Потому на этот день хмурятся небеса и бывает гроза*» (зап. от Анны Сергеевны Путиловой, 72-х лет, урож. д. Лучистая Кирсановского р-на, ныне проживает в с. Александровка Кирсановского р-на [АА 2000]). Представление о строгости Илии, бесспорно, поддерживают отдельные моменты ветхозаветной истории: Илья убивает всех пророков Ваала, отряды пя-

тидесятников, во время его молитв нисходят грозы и страшные бури. Оно же аргументируется дохристианскими верованиями славян о Перуне (гневе громовержца) и предостерегающими рассказами о нарушении запретов в праздники.

Было бы неверно считать, что народные рассказы являются наивными, не имеющими рационального содержания или искажающими Ветхий Завет. Дело в особом мистическом переживании событий, особой «мифопоэтической» духовности, напитанной традициями этнической культуры. Русский опыт Библии свидетельствует, что Илья-пророк включен в континуум «своих» святых, что народ привык обращаться к святому как к живому заступнику, всегда принимающему участие в простых нуждах («*Илью просят, чтобы он упросил Бога дать дождя*» (зап. от Галины Васильевны Коваль, 1936 г.р., урож. с. Пичаево Пичаевского р-на, г. Тамбов [АА 1996]); «*Молились ему в засуху, чтоб дождь дал. Илья-пророк посылает дождь*» (зап. от Марии Ивановны Коноваловой, 1930 г.р., мест. урож., с. Троицкий Росляй Токаревского р-на [АА 2000])). Введение языческих элементов в молебны об урожае, хлебе и ниве, по народному мнению, не заменяет упования на помощь сил небесных, но необходимо как сакральное средство, усиливающее его результат.

Для крестьянина важно, например, что Илье повинуются лошади. Этот мотив отражен в терминологии календаря: «*Лошадиный праздник*» (зап. от Лукерьи Гавриловны Уваровой, 1913 г.р., мест. урож., неграм., д. Отхожее Ржаксинского р-на [АА 2000]). Если в этот день запрячь лошадь, то гром и дождь перевернут и лошадь и воз. Пока Илья «*едет на конях по небу*», одна из его лошадей теряет подкову, которая падает в воду, и тогда вода «*сразу холодеет*», «*становится студеной*» (зап. от Марии Григорьевны Карленковой, 1919 г.р., мест. урож., с. Шапкино Мучкапского р-на [АА 2000], ср. также: зап. от Зинаиды Михайловны Толотаевой, 1931 г.р., г. Тамбов [АА 1999]).

Поездки Ильи-пророка на лошадях имеют точное метеорологическое и хозяйственное объяснение. С одной стороны, пророк Илья «*катится и тепло от земли уносит*» (зап. от Марии Ивановны

Егоровой, 1925 г.р., мест. урож., с. Пушкино Тамбовского р-на [АА 2000]), с другой — это необходимо, так как он ездит по небу за водой («*если гром в этот день загремит, то говорили, что Илья-пророк по небу за водой едет*» (зап. от Евдокии Ивановны Акулининой, 1917 г.р., мест. урож., д. Федоровка Токаревского р-на [АА 2000]), «*...Илья-пророк за водой поехал на небесах*» (зап. от Анастасии Степановны Григорьевой, 1921 г.р., мест. урож., с. Покрово-Марфино Знаменского р-на [АА 2000]), «*Когда гром гремит, то говорят, что Илья-пророк за водой поехал*» (зап. от Таисии Семёновны Буерашиной, 1936 г.р., мест. урож., церковной служащей, с. Дуплято-Маслово Знаменского р-на [АА 2000])). Когда шел дождь, то говорили, что «*Илья с дождем приехал*» (зап. от Лукерьи Гавриловны Уваровой, 1913 г.р., мест. урож., неграм., д. Отхожее Ржаксинского р-на [АА 2000])). В одной из записей — «*Илья развозит воду для всех святых и если расплескает, то на земле идет дождь*» (зап. от Марии Тимофеевны Зайцевой, 1923 г.р., и Анастасии Андреевны Зайцевой, 1903 г.р., с. Верхний Шибряй Уваровского р-на [АА 1999])).

С именем пророка Илии связаны и древнейшие славянские представления о мире и мироздании. В частности, некоторые ответы наших информантов убедительно свидетельствуют о том, что дорогой пророка Илии является Млечный Путь: «*Говорят, что по Млечному пути Илья-пророк разъезжает на своей колеснице. Молонья вокруг сверкает, и гром от повозки слышен на земле. Все в домах сидят, молятся, чтоб гроза прошла и дождь полил*» (зап. от Анны Васильевны Шипиловой, 1909 г.р., мест. урож., с. Старосеславино Первомайского р-на [АА 2000])).

Из «невостребованных» ветхозаветных сюжетов укажем еще один: упоминание о том, как Илия опоясал чресла свои и бежал перед колесницею Ахава до самых ворот города, воздавая царю честь как его подданный (3 Цар. 18, 41—46). Отразилось ли оно каким-либо образом в народном веровании? Имеющиеся в нашем распоряжении материалы не подтверждают подобного отклика. Правда, есть некоторые отклонения в пользу

смягчения характера Илии — «Он помогал вдовам и нищим, много молился Господу Богу нашему» (зап. от Марии Тимофеевны Чернышевой, 1911 г.р., мест. урожай, с. Донское Тамбовского р-на [АА 2000]), «Он грозный и суровый, но и щедрый» (зап. от Анны Васильевны Шепиловой, 1909 г.р., мест. урожай, с. Старосеславина Первомайского р-на [АА 2000]), «Илья был очень строгим и праведным человеком» (зап. от Клавдии Петровны Афанасьевой, 1937 г.р., мест. урожай, г. Котовск Тамбовского р-на [АА]), — но в отношении к Ильину дню превалирует всё же страх карающих мер. Можно сказать, что если суровость как черта личности Илии имеет в ветхозаветном повествовании амбивалентный характер, то в народной традиции она получает вполне однозначную интерпретацию.

Библия и народная традиция в сложном взаимодействии создают цельный образ святого, отвечающий запросам народного духа. Нередко они «спорят», разнясь в подробностях пересказа и мотивации. Однако для традиционного этнического сознания более важны символы, связующие воедино мистические представления с реальными потребностями земной жизни, отвечающие за гармонию духовных и материальных начал. На первом плане народной веры находятся функции святых, поэтому образ святого определяется связанными с ними ключевыми словами и действиями.

Святитель Николай Мирликийский, прежде всего, *заступник*. Народ уверен в его быстрой помощи («скорый заступник») и, что очень важно, универсальности предстательства за людей («во всех бедах помощник»). Помимо этой, главной характеристики, народный образ Николая Угодника определяется через мотив *странничества* [Цивьян 1998], что находится в прямой связи с народным представлением о Христе-страннике, неожиданно приходящим к людям с наставлением или помощью [Дубровина 2002; 2003]. С развитием темы странничества образы Христа и Николая Угодника сближаются.

Образ пророка Илии мотивируется словами-маркерами *огонь, хлеб, нива, грозный, буря, молния, дождь, вода* и

тесно связан с дохристианскими представлениями о природных силах. Круг просьб, с которыми обращались к Илье-пророку, четче и определенной: ему молились в бездожии и засухе.

Поскольку народному сознанию близок именно страх карающих мер, в образе пророка Илии превалирует характеристика *грозный*, соответствующая на уровне святоотеческих преданий определению *ревностный*, семантически не связанному со страхом наказания и расширяющему свое смысловое пространство в союзе с существительными *служение, долг* и пр. под.⁴ По отношению к святителю Николаю ближе народная характеристика *милостивый*, что опять-таки свидетельствует об избирательности народного православия. Дело в том, что житие святого Николая, архиепископа Мир Ликийских, многократно свидетельствует о не меньшей его страстности в деле веры, суровости и непреклонности в защите ее. Наиболее убедительно об этом говорит спор его с Арием и арианцами и проявление кипучей энергии святителя, ставшей даже причиной его отстранения от участия во Вселенском Соборе ввиду «чрезмерной ревностности».

Однако и в том, и в другом случае обращение к святым зиждется на убеждении в результативности совершаемых просьб, молебнов, обрядовых действий. Результативность обращения предполагает и отклик святых на неправильное поведение людей и незамедлительность наказания в случаях нарушения установленных традицией запретов. Таким образом народное религиозное мировоззрение оказывается пропущено через традиции народной культуры.

Литература

Алпатов 2005 — Алпатов С.В. Николай Чудотворец в русских народных легендах // Традиционная культура. 2005. № 1 (17). С. 31—39.

Афанасьев 1994 — Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт

⁴ В главном храме города Тамбова — Спасо-Преображенском кафедральном соборе — изображение пророка Илии находится в центре зала первого этажа. На иконе пророк держит свиток с надписью: «Ревную, ревновал Господе Боже Вседержителе».

сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. М., 1994. Т. 1.

Бадаланова 1997 — *Бадаланова Ф.* Каин окаянный // Живая старина. 1997. № 2 (14). С. 43—46.

Бадаланова 1999 — *Бадаланова Ф.* Болгарская фольклорная Библия // Живая старина. 1999. № 2 (22). С. 5—7.

Барсов 1886 — *Барсов Е.В.* Народные предания о миротворении: К сказанию о Тивериадском море // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1886. Кн. 4, отд. IV.

Белова 1994 — *Белова О.В.* Единорог в народных представлениях и книжной традиции славян // Живая старина. 1994. № 4. С. 11—15.

Белова 1998 — *Белова О.В.* Легенды о Потопе в славянской и еврейской народной традиции // От Бытия к Исходу. Сб. ст. М., 1998. С. 163—180.

Белова 1999 — *Белова О.В.* Илья св. // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. Т. 2. М., 1999. С. 405—407.

Белова 2000 — *Белова О.В.* О «грешных» животных в славянских легендах // Концепт греха в славянской и еврейской культурной традиции. Сб. ст. М., 2000. С. 163—179.

Белова 2001а — *Белова О.В.* Библейские сюжеты в восточнославянских народных легендах // Этнолингвистический сборник. Исслед. и мат. М., 2001. С. 118—151.

Белова 2001б — *Белова О.В.* *Кот наплакал*: мотивационная семантика в свете народных легенд // Русская диалектная этимология: Мат. IV междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 22—24 октября 2002 г.). Екатеринбург, 2001. С. 82.

БЭ 1990 — Библийская энциклопедия. Иллюстрированная полная популярная библийская энциклопедия: В 4 вып. Труд и издание архимандрита Никифора. М., 1891. (Репринт. изд. Свято-Троице-Сергиевой Лавры, 1990).

Даль 1994 — *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994. Т. 1. А-З. (Репринтное воспроизведение издания 1903—1909 гг.).

Дубровина 2001а — *Дубровина С.Ю.* Народное православие на Тамбовщине. Опыт этнолингвистического словаря. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001.

Дубровина 2001б — *Дубровина С.Ю.* Тамбовщина в контексте духовной культуры: Филологические очерки. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001.

Дубровина 2002 — *Дубровина С.Ю.* Народный Новый Завет. Рассказы об Иисусе Христе // VII Державинские чтения. Филология и журналистика: Мат. науч. конф. Тамбов, 2002. С. 91—92.

Дубровина 2003 — *Дубровина С.Ю.* Обряды и обычаи на Вознесение в Тамбовской области // Живая старина. 2003. № 1 (37). С. 18—23.

Дубровина 2006 — *Дубровина С.Ю.* Христианская лексика в диалектах русского языка. Дис. ... д-ра филол. наук. В 2 т. Тамбов, 2006. Т. 1.

Житие и чудеса... 1999 — Житие и чудеса св. Николая Чудотворца, архиепископа Мирликийского, и слава его в России. СПб.: Царское дело, 1999. (Репринтное воспроизведение издания 1899 г.).

Иванова 2005 — *Иванова А.А.* Никола Великоресский в фольклоре и ритуальной практике (материалы и комментарии) // Традиционная культура. 2005. № 1 (17). С. 49—56.

Каспина 2000 — *Каспина М.* Восприятие сюжета о грехопадении Адама и Евы в еврейской и славянской традиции // Концепт греха в славянской и еврейской культурной традиции. Сб. ст. М., 2000. С. 116—130.

Панченко 1998 — *Панченко А.А.* Исследования в области народного православия. Деревенские святые Северо-Запада России. СПб., 1998.

ППБЭС 1992 — Полный православный богословский энциклопедический словарь: В 2 т. М., 1992. Т. 1. (Репринт. изд.).

Тарабукина 2003 — *Тарабукина А.В.* Фольклор и мифология прихрамовой среды // Современный городской фольклор / Отв. ред. С.Ю. Неклюдов. М., 2003. С. 301—323.

Успенский 1988 — *Успенский Б.А.* Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М., 1988.

Фадеева 2005 — *Фадеева Л.В.* Николай Чудотворец в восточнославянских заговорах (к постановке проблемы) // Традиционная культура. 2005. № 1 (17). С. 40—48.

Федотов 1991 — *Федотов Г.П.* Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. М., 1991.

Фурсова 2003 — *Фурсова Е.Ф.* Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX — первая треть XX в.). Ч. 2: Обычаи и обряды летне-осеннего периода. Новосибирск, 2003.

Хлыбова 2005 — *Хлыбова Т.В.* Образ святителя Николая в духовных стихах // Традиционная культура. 2005. № 1 (17). С. 22—30.

Цивьян 1998 — *Цивьян Т.В.* Николай Угодник — странник на русской земле (несколько примеров из русской литературы XX века) // Слово и культура. В 2 т. М., 1998. Т. 1. С. 394—406.

Шеваренкова 1998 — *Шеваренкова Ю.М.* Нижегородские христианские легенды: Сб. народных христианских легенд / Сост., вступ. ст. и коммент. Ю.М. Шеваренковой. Нижний Новгород, 1998.

Сокращения

АА — архив автора.